

Глава 6: Раскрытие истории Человечества и Фей.

– Добро пожаловать, добро пожаловать! Мне было интересно, сколько времени пройдет, прежде чем вы рискнете появиться за кулисами, но должен сказать, что вы не разочаровали! Мы ждали этого уже довольно долго. Я - лорд Барнаби Чешир. – Его слова гулко разнеслись по шатру, который из мрачной пустоты превратился в освещенную комнату, обнаружив присутствие нескольких загадочных фигур. Посреди этого своеобразного сборища стоял маленький ведущий, Барнаби, вдохновитель зрелища, свидетелями которого мы стали.

Проходя дальше по помещению, я случайно столкнулся с Адрианом, который тут же отреагировал, вытянув руку для страховки. Это действие, хотя и было благонамеренным, только усилило мое чувство неотложности. Оттолкнув его руку, я не смог сдержать растущее нетерпение и беспокойство.

– Где мой кот? – потребовал я, шагнув вперед, в моем голосе смешались беспокойство и гнев. Рука Адриана протянулась и схватила меня за плечо, а затем притянула обратно к себе. Он был намного сильнее, чем раньше. Я чуть не потерял равновесие.

Адриан, почувствовав мое беспокойство, направил мое внимание в угол помещения. Там, к моему облегчению, сидел Тигр. Наш большой оранжевый табби казался невредимым, беззаботно поглощая необычную закуску из рыбы странного цвета.

Барнаби с почтительным поклоном вышел вперед, его внимание было приковано к Адриану.

– Прошу прощения, уверяю вас, в моих намерениях не было ничего дурного. Меня зовут Барнаби, я к вашим услугам, милорд, – сказал он, и в его тоне прозвучала формальность, которая казалась неуместной в нашем странном окружении. – У вас, несомненно, много вопросов, и мы постараемся ответить на них как можно лучше. Однако нас больше всего волнует ваша одежда. Такая одежда - верный признак новоприбывших, и мы не можем рисковать тем, что люди обнаружат ваше присутствие. Нет, нет, так не пойдет.

Комната представляла собой диковинную смесь фантастического и обыденного, наполненную предметами и существами, которые, казалось, не поддавались реальности. Феи, окружавшие нас, наблюдали за происходящим со смесью любопытства и настороженности. Их глаза, разные по форме и цвету, следили за каждым нашим движением, что еще больше усиливало сюрреалистическую природу нашего окружения.

Заявление Барнаби о нашей одежде застало меня врасплох. Я опустил взгляд на свою одежду, затем на одежду Адриана, понимая, насколько неуместными мы должны были казаться в этой неземной обстановке. Мы были одеты в чисто белые одежды, в то время как другие были окрашены в море цветов. Мысль о том, что в этом месте нас могут обнаружить люди, вызвала новые вопросы. Где именно мы находились и почему нас должны волновать эти люди? Что это было за место, скрытое от мира людей?

– Люди? То есть человечество? – вмешался я, желая получить разъяснения по поводу нового и в то же время знакомого термина.

Барнаби сделал паузу, на его лице появилось задумчивое выражение, прежде чем он утвердительно кивнул. Возможно, это был старый термин, который в этом мире имел разные значения.

Адриан, наконец, ослабив хватку на моем плече, шагнул вперед, воплощая в себе смесь любопытства и осторожного скептицизма.

– Ожидаете нас? Что вы знаете о призыве и нашем затруднительном положении? Откуда вы вообще об этом знаете? И не подскажете ли вы, где нам найти "Империю Шляпников"? – поинтересовался он, в его голосе прозвучали нотки срочности и сомнения.

Выражение лица руководителя смягчилось, обнаружив глубину сочувствия, словно он проникся нашим смятением и беспокойством. Он медленно кивнул, задумчивым жестом выражая готовность помочь.

– Тогда начнем с самого начала. Позвольте мне сначала ответить на ваши вопросы, а потом я расскажу вам историю, урок истории, если хотите, – начал Барнаби, его голос звучал так, что свидетельствовал о глубоком понимании событий как прошлого, так и настоящего. – Я знаю о призыве столько же, сколько и все остальные здешние фей. Мое дело - быть в курсе событий, и многие из нашего рода разделяют это знание. Что же касается Империи Шляпников, то она прекратила свое существование несколько сотен лет назад, несколько тысячелетий назад. То, что от нее осталось, находится в самом городе, но попасть туда вам будет нелегко. Феям, как и нам, запрещено входить в человеческие города, запрещено, запрещено, – объяснил он, и его взгляд словно погрузился в воспоминания о давно минувших временах.

Комната вокруг нас была наполнена историей и тайнами, а присутствие фей дополняло атмосферу древней загадки. Слова Барнаби рисовали картину мира, сильно отличающегося от нашего, мира, где границы между людьми и фей были четко определены, но размыты перед лицом нашего нынешнего затруднительного положения.

Барнаби сделал паузу, глубоко вдыхая, словно собирая в своем дыхании груз веков.

– Чтобы по-настоящему понять нашу историю, мы должны заглянуть на много веков назад, в эпоху, когда люди не поддавались своей ненасытной Жадности. Когда-то наши земли, убежище фей, были полны первозданной красоты, кипели надеждой, пылом и безудержной сущностью существования. Однако присущая нам непредсказуемость привела к неизбежному напряжению в отношениях с предками людей. – Его голос, пропитанный ностальгией, поник, потяжелел от груза ушедших воспоминаний. – В ответ на то, что они считали оскорблением, они прибегали к древним ритуалам, призывая грозных героев, чтобы вести неустанную войну против наших сородичей.

По мере того как он рассказывал о прошлом, взгляд Барнаби становился все более отстраненным, а глаза затуманивались, словно он представлял себе описываемые сцены.

– Фей, от природы настроенные на переменчивую симфонию жизни, всегда наслаждались ее бурной красотой. Мы принимаем каждое мимолетное мгновение с пылом и энтузиазмом. Нам чуждо понятие методичной войны, организованных столкновений армий. Мы, народ спонтанности, где уникальные способности каждой феи вносят свой вклад в разнообразный баланс талантов, плохо подходили для структурированных стратегий обычной войны.

Он снова сделал паузу, в его голосе прозвучала печаль воспоминаний.

– В давно минувшие времена Эльдора была царством чар, где каждое дерево, каждый ручей отзывались на шепот фей. Однако люди, как мы их называем, смотрели на наши земли жадными глазами, затуманенными желанием. Они жаждали плодородных просторов Элдории и скрытых сокровищ фей.

– Семена конфликта были посеяны из паутины непонимания и тревоги. Люди хранили глубокий страх перед нашей магией, нашей причудливой природой. Возникали случаи, когда капризы фей сталкивались с человеческим порядком. Фей могли причудливо превратить воду из колодца в вино или раскрасить ночное небо яркими, постоянно меняющимися красками. Для нас это были лишь игривые проявления, праздники радости; для людей же они воспринимались как враждебные действия, посягательства на их контроль.

– Когда напряжение стало нарастать, они обратились к своей самой привычной стратегии - завоеванию. Они призвали легендарных героев из далеких миров, воинов, прославившихся своей стратегической доблестью. Эти чемпионы, с их непреклонной решимостью и тактическим умом, воплощали в себе противоположность нашему подходу к конфликтам. Хотя мы, феи, сильны, тверды и непреклонны по отдельности. Мы не очень-то умеем объединяться в сплоченную силу. Это противоречит нашей природе, вернее, по крайней мере, без особой охоты.

Голос Барнаби слегка дрогнул.

– Последовавшие за этим сражения стали катастрофой, подобной которой мы никогда не видели. Луга, некогда буйствовавшие дикими цветами, превратились в пустоши грязи и кровопролития. Наша мощная магия, какой бы грозной она ни была, оказалась неспособна противостоять дисциплинированной агрессии человеческих войск. Наша чудесная Эльдория, царство чудес, была разрушена под их неумолимым натиском.

Он опустил взгляд вниз, крепко сцепив пальцы.

– Мы понесли неизмеримые потери в те мрачные времена. Наша королева, маяк надежды, удалась в укромные глубины леса, обремененная непосильным горем. Наш король, символ силы и чести, встретил свой конец в доблестном, но тщетном последнем бою. Его брат, движимый жаждой мести, теперь бродит по земле, больше похожий на скорбящего призрака, чем на благородного фея, которым он когда-то был. Он ведет охоту, не имея доступа, входа, пути к своей добыче.

– Видите стеклянную башню в нашем городе? – Барнаби поднял глаза, его взгляд стал пронзительным. – Она стоит как суровое свидетельство нашего поражения, символ человеческого превосходства, памятник их завоеванию фей. Для них это вершина их достижений, для нас - памятник утрате нашей свободы, нашей самостоятельности.

Двигаясь с элегантностью, которая не соответствовала мрачности его рассказа, Барнаби подошел к маленькому, богато украшенному столику в углу помещения. Жестом, богатым древней магией, он наколдовал изящную чайную чашку, фарфор которой заиграл в тусклом свете. Он налил чай с торжественным изяществом, каждое движение которого отдавалось несказанной историей.

– Наше положение ухудшилось, пришло в упадок, – продолжал он, и в его голосе звучала глубокая печаль. – Наше число в этом королевстве сократилось. Орки, укрепившиеся на юге, и зверолоды, бродящие по восточным дебрям, живут не лучше. А мы, феи северных лесов, некогда гордые хозяева этих земель, лесов и полей, наблюдаем, как уменьшаются наши территории и ослабевает наше влияние.

Он осторожно поставил чашку, и пар поплыл вверх, неся с собой аромат ушедшей эпохи.

– Эта борьба выходит далеко за пределы нашего рода. Морские жители, загадочные обитатели океанских глубин, как и многие другие расы, были отодвинуты в тень истории людьми, их

истории затерялись в тумане времени. Некогда прославленное стремление к хаосу, безумию и свободе, определявшее нашу сущность, стало нашей ахиллесовой пятой. В этом мире, где царят порядок и границы, мы столкнулись с мрачной реальностью потенциального вымирания.

Когда взгляд Барнаби переместился на Адриана, в его поведении произошла едва заметная перемена. Его глаза, некогда затуманенные грузом печали, теперь сверкали надеждой и безумием.

– И все же среди этого моря отчаяния забрезжил луч надежды, – начал он, и голос его зазвучал с вновь обретенной торжественностью. – В своем последнем, отчаянном начинании наш король, в акте сильнейшей магии, попытался призвать чемпиона. Изначально мы считали, что попытка была напрасной, неудачной. Просто потому, что ни один герой не явился на зов. Но Шляпник, наш самый почитаемый и могущественный колдун, утверждал обратное. Он твердо верил, что призыв принесет свои плоды, хотя и в сроки, которые нам не подвластны.

Казалось, в помещении наступила пауза, сам воздух зарядился напряженностью рассказа Барнаби. Я заметил, что он любит добавлять синонимы к своим словам. Альтернативные фразы.

– Мудрость Шляпника была легендарной, проницательной, трансцендентной. Его прозорливость была благом для нашего рода. Он был уверен, что призванный чемпион появится не по нашему зову, а в момент, предначертанный самой судьбой. Она непостоянна. Упрямая, неприветливая, непреклонная, замечательная... – Барнаби начал было говорить, но, похоже, остановился. Его глаза расширились.

Пальцы Барнаби нежно поглаживали ободок его чашки, а взгляд устремился вдаль.

– И вот мы ждали, храня в сердце пророчество Шляпника и питая надежду, что избавление действительно придет. Теперь, похоже, этот момент настал, хотя и в таком обличье, какого мы не ожидали.

Он с волшебной грацией двинулся к краю шатра. Легким движением руки он откинул полог шатра, позволив единственному лучу солнечного света пробиться в тусклое пространство нашего сборища. Внезапно темнота вокруг нас стала видна в виде ряда предметов. Свет пробивался сквозь тени, отбрасывая на нас потустороннее сияние. Там, на фоне струящегося света, стоял Барнаби - фигура, олицетворяющая пересечение древней мудрости и неумолимого марша времени.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/102072/3667227>